

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Эдуарда Николаевича Лыкова
«Полицейские практики в европейской культуре:
философско-антропологический анализ»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук по специальности 09.00.13 –
философская антропология, философия культуры
в Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций БелГУ.09.02
по философским наукам на базе НИУ «БелГУ»**

«Полиция, полиция, картофельное пюре!» — повесть Пёра Вале и Май Шёвалль 1970 года. По-русски название непонятно, а по-шведски это просто шутка: «Polis, polis, rotatis gris!» «Полиция, полиция, картофельная свинья!» В одном из моментов так ругают двух оплошавших полицейских. В этом известном детективе и сценарии российского фильма по нему социальное и даже социалистическое подпирают сюжет об убийстве известной персоны. Поэтому автор настоящей диссертации абсолютно прав, говоря, что «полиция составляет неотъемлемый "фон" нашей жизни, сопровождает человека в его обыденном, повседневном существовании» (С. 3). Две поправки: 1) слово «фон» не нужно было заключать в кавычки; 2) не только обыденного, повседневного (тут полиции в норме почти нет), но и существования экстремального, праздничного, сакрального, игрового¹. Что и выводит полицию от повседневности к политике, экономике, культуре.

Диссертация посвящена «полицейским практикам» и их значению в культуре. Автор диссертации в самом её начале надеется «прийти к обоснованию позитивного восприятия этого института» (С. 4). Это надежда философа, причём русского. И в Российской империи, и особенно в СССР в слово «полиция» на уровне обыденного восприятия вкладывалось негативное значение — органа, чаще карающего, нежели защищающего человека; ограничивающего бурный рост культуры, а не охраняющего её. Большевики, они же коммунисты, до своего прихода к власти в государстве преследовались полицией не столько как политические противники императорской власти, сколько как уголовные экстремисты (вооружённые восстания, экспроприация банков). В советской идеологии «полиция» всячески негативизировалась, а заменивший в названии этой службы термин «милиция» происходил из анархистской идеи самообороны народа без государства. Автор прав в том, что полицейские государства и особенно тоталитарные режимы XX века негативизировали образ полиции как общественного института. Однако и тогда и наука (история, юриспруденция, антропология), и практика жизни вполне понимали безусловную

¹ Заявляю как один из ведущих специалистов по повседневности: *Касавин И.Т., Щавелёв С.П.* Анализ повседневности. М., Канон +, 2004. 432 с. (Современная философия).

необходимость полиции как закономерного гаранта порядка и безопасности в социуме. Так что тема работы редкая и очень нужная.

Понятие «практики» в названии и тексте работы недоистолковано. Автор разделяет «практики по охране общественного порядка» и «ментальные практики» (С. 7). Как будто дедукция Шерлока Холмса как сугубо ментальная практика не охраняет порядок! Как будто для силовых акций не нужен ментальный расчёт («В кабаке опять облава по наводке ФСБ, мы как клоуны в плену чужих амбиций» — жалуется капитан полиции в песне Сергея Трофимова). Было бы логично признать, что практики вообще делятся на материальные и духовные (ментальные), а также смешанные (сейчас — цифровые). Тут та же классификация, что при условном делении материальной и духовной культуры вообще. Критерий разницы прост: что в конечном счёте меняет та или иная практика — внешний, предметно-материальный мир, либо духовность, психику, ментальность².

Но этот терминологический нюанс несколько не мешает диссертанту успешно анализировать работу полиции, где все практики поддержания и восстановления общественного порядка находятся в единстве.

Диссертация построена правильно — так, чтобы место полиции в культуре было бы системно раскрыто. Первая глава носит историографический, историко-философский характер. Она посвящена тому, как феномен полиции трактовался философией и вообще гуманитарной мыслью Запада. То есть что думали о полицейских практиках великие умы европейской мысли. Тема автором вполне раскрыта, но я хочу добавить: великие умы чаще всего принадлежали субтильным личностям, которые не могли отличить кастета от финского ножа и потому этим кабинетным интеллектуалам было труднее понять полицию с её мерами защиты власти. Этим мерам посвящена вторая глава работы — тому, как полиция осуществляет силу с насилием и тому, как интеллект в расследовании приводит её к необходимости силовых мер против правонарушителей.

В первом параграфе первой главы представлен образ полиции как объекта философского и социально-гуманитарного исследования. Полиция рассматривается как подсистема тех практик, что обеспечивают мир в социуме, а тем самым и локализуют насилие законными его рамками. Автор относит к полицейской сфере всё, что направлено на сохранность государства. Эта идея восходит к Античности и красной нитью проходит через всю западную мысль. Применительно к прошлому это так, но сегодня идея государства переосмысливается, ставится вопрос о его сокращении и даже отмирании в системе власти³, а потому и понятие полиции может пересматриваться (о чём ниже). Методологию своей полицеологии диссертант заимствует у М. Фуко и Михаила Константиновича Петрова

² См. подробнее мою книжку: *Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.

³ См.: *Волков В.В.* Государство или Цена порядка. СПб.: 2018. 160 с.

(1923–1987) с их идеями взаимодействия знания и деятельности в истории культуры.

Во втором параграфе первой главы обосновывается понятие полиции в Новое время — как государственного института по обеспечению безопасности всех граждан, а не только отдельных сословий как в Средние века и ранее. Для уяснения полицейского духа в этом смысле привлекаются тексты А. Бадью с его «Этикой», Дж. Агамбена и других апологетов так называемой биополитики. Диссертант углубляет понимание полиции, которая не только расследует нарушения закона и выявление его виновников, но и ещё раньше пытается моделировать человека и прогнозировать его поведение, чтобы правонарушений стало меньше.

Вторая глава диссертации посвящена как раз полицейским практикам. В первом параграфе этой главы соотносятся насилие и суверенность личности в действиях полицейских. Идеи Т. Гоббса о соотношении народа и властителя в морфологии придуманного им «Левиафана» развивались К. Шмиттом и Дж. Агамбеном в том, в частности смысле, что полиция занимает философический промежуток между людьми и властью, работает в ипостасях когдатошних стражников и чумных докторов.

Второй параграф посвящен главной полицейской процедуре — расследованию как интеллектуальной практике. В поисках сути расследования весьма удачно привлечены идеи Мишеля Фуко его интеллектуальной манией словесного насилия в культуре; историка Карло Гинзбурга, сравнившего судебное расследование с работой охотника по следам зверя; Люка Болтански с его аналогией расследования с интригой литературного произведения (начиная прямо с детективов). Я целиком согласен с оценками и интерпретациями автора, кроме одного пункта. Эдуард Николаевич относит «практики поддержания порядка» и особенно расследование к «особому типу знания, который можно назвать научным» (С. 16). Это совершенно не так. Полиция это практика, а не наука. Знания полицейского — практические, а не теоретические. Да, полиция издавна и до сих пор применяет массу научных методик по сбору улик и изобличению правонарушителей, но цель этих методик не познать мир, как делают все учёные, а исправить факт жизни. Наука частными случаями вроде отдельных убийств или, допустим, краж, не занимается. Её в лице юриспруденции или социологии может интересовать только статистика правонарушений. А у полицейского цель не общая, а частная: жертва, правонарушитель. Полицейские практики расследования наукообразны по источникам методик изобличения, но цель у них прямо противоположна любой науке. Не общий принцип, а единичный случай.

Тут диссертанта подвели его литературные кумиры. Ни Фуко, ни М.К. Петров не были учёными. Они были эрудитами, свободными интеллектуалами, но системой знаний по истории, методикой анализа источников не владели. Вот Фуко выдумывает про религиозную (церковную) «практику нахождения истины через установление фактов, подтверждение их истинности» (С. 20). Да в Библии вообще нет понятия знания. Там только

практическая мудрость судьи, царя. Знания порицаются Христом и его приспешниками. Какие факты у Ватикана или у Московского патриархата? Туринская плащаница? Пересвет с Челубеем, которых не было? Факты появились у Галилея, Ньютона и других первых учёных. Вот они в конечном счёте, через своих преемников привели полицию в лабораторию. Теперь генетика, а не конклав малограмотных ортодоксов от веры уличает преступников.

Резюмированные мной разделы работы вполне и глубоко раскрывают её тему. Диссертация Э.Н. Лыкова вполне удачная, да ещё по действительно новой, редкой теме.

Дополнительные вопросы соискателю учёной степени. Эти вопросы никак не отрицают общей положительной оценки его работы как удавшегося и вполне законченного исследования. Но если автор решит издать эту работу в виде монографии — что было бы полезно для распространения интересных идей философа, в том числе среди юристов, историков, политологов, этнологов, настоящих антропологов, лингвистов и т.д. — то эти мои соображения дадут ему возможность что-то домыслить, дополнить в его тексте.

1. Автор справедливо ограничивает своё рассмотрение «полицией в современном смысле слова», которая действительно возникает в Новое время и становится обязательным элементом национальных государств. Но упомянуть, что само по себе *понятие полиции гораздо шире* хронологически и исторически, диссертанту стоило. Своего рода протополиция существует у всех стайных животных. Среди обезьян значительная часть светового дня отводится на предотвращение конфликтов между членами стаи⁴. С другой стороны, стая наблюдает за другими животными, начиная с соседних стай таких же обезьян. Эту зоологическую полицию представляют авторитетные и сильные физически самцы и самки во главе с вожаком⁵. Среди людей полиция возникает как минимум с начала неолита, а то и в позднем палеолите. Чтобы построить огромные мегалитические сооружения типа Стоунхенджа или Гёбекли-Тепе, надо было организовать множество людей, прямо друг с другом не связанных в экономике и политике. В Древней Греции полицейскими были скифы (в точности также как сейчас в Нью-Йорке — ирландцы). В Российской Федерации сейчас часть полицейских функций выполняют казаки. Понятно, почему так — разные народы, свои / чужие. На каждом поселении Древней Руси на местных кладбищах восточных славян X века выделяются большие погребения-камеры, с оружием и прочим престижных инвентарём. Здесь лежат русы, присланные Киевом для представления его власти. Среди прочих их функций — полицейские (что видно из «Русской Правды» XI века).

⁴ См.: Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. 3-е изд. М.: 2018. 272 с.

⁵ См.: Де Вааль Ф. Наша внутренняя обезьяна. Двойственная природа человека. М.: 2021. 404 с.

В итоге, полиция — неизбежная функция любого коллектива коллективов, сосуществования животных или людей в мало-мальском множестве особей. Она присуща не только государству, но и акефальным и потестарным социумам⁶, а начинается в животном мире.

2. Автор верно отмечает, что *полиция не сводится к насилию над правонарушителями*, а кроме того пытается воспитывать граждан, рядом практик удерживать их от правонарушений. Как говорится, добрым словом и револьвером вы добьётесь куда больше, чем одним добрым словом... Вот эту сторону природы полиции надо бы подчеркнуть. Культура согласия не менее распространена в животном мире, нежели культура агрессии⁷.

Понятие практики в российской философии понимают чаще всего по-советски — как преобразование материального мира, орудийное воздействие на предмет, то есть в основном как насилие. Рассуждая о полиции, стоит вспомнить не только про колыты и карцеры, но и о практиках сохранения, реставрации, а не преобразования; о практиках предупреждения действия, а не совершения его⁸. Так что полиция — не только война, но и в первую очередь мир. Диссертант это отмечает, но вслед за Фуко больше внимания уделяет принуждению. Конечно, если брать для примера каких-то пиратов, как упоминается в диссертации, то любая практика покажется насильственной («Сарынь на кичку!») Все практики пиратов состояли в том, чтобы резать глотки. Конечная цель полиции — спасти мир.

3. Автор верно дискурсирует полицию как общее явление государств Нового времени. Однако полицейская одежда напяливалась на разные чучела у разных народов. Хотя бы бегло отметить *разницу полиции у разных народов*, в разных государствах, у населения с разным менталитетом. Когда в 1990-е годы в Российской Федерации на время испарилось государство и порядок стали наводить по понятиям, то «крыша» из МВД стоила гораздо дешевле «крыши» из КГБ. Милиционеры не проявили корпоративного кодекса чести в отличие от чекистов. Народ к милиционерам относится отрицательно. Есть песенка: «У павильона "Пиво-Воды" стоял российский постовой, он вышел родом из народа...» Какой народ, такая полиция. Но героические поступки полицейских вызывают у народа гордость. Какая культура, такая и полиция. В Англии и США офицера полиции уважают, а в России нет. Так будет всегда?

4. Наконец, я бы учёл *отражение полиции в искусстве, начиная с детективного жанра*. Во множестве замечательных детективов масса точных наблюдений за полицейскими и их гражданскими двойниками —

⁶ Крадин Н.Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. М.: 2021. 336 с.

⁷ Де Вааль Ф. Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных. М.: 2020. 442 с.; Сафина К. За гранью слов. О чём думают и что чувствуют животные. М.: 2018. 560 с.

⁸ См.: Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994. 232 с.

частными детективами⁹. Фуко по части полиции примитивен по сравнению с Рексом Стаутом или Г.К. Честертоном.

В целом все мои соображения о диссертации Э.Н. Лыкова и её автореферате только чуть дополняют их. Они нисколько не касаются главного моего вывода: работа Э.Н. Лыкова, несмотря на высказанные мной поправки и дополнения, в целом бесспорно состоялась. Представленные в ней тезисы, оценки и выводы обладают высокой научной и прикладной (педагогической, просветительской, политической) ценностью; вполне отвечают требованиям паспорта избранной специальности. Содержание диссертации адекватно представлено в её автореферате и статьях автора в академических журналах.

Эта диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится убедительное решение значимой для истории и теории культуры, философской антропологии проблемы. Убеждён, что диссертация Э.Н. Лыкова вполне соответствует всем требованиям, которые предъявляет к претендентам на кандидатскую учёную степень Положение о присуждении учёных степеней, утверждённого учёным советом НИУ «БелГУ» (протокол от 24 декабря 2018 г. № 5). Она достойно продолжает работу нового — автономного диссертационного совета Белгородского государственного университета по философским наукам.

Автор вполне заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 — философская антропология, философия культуры.

*Доктор философских наук, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой философии
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»*

*Минздрава России
С.П. Щавелев.*

20 октября 2021 г.

*«Подпись профессора С.П. Щавелева заверяю»
Начальник Управления персоналом и кадровой работы КГМУ
Н.Н. Сорокина
11 10 2021 г.*

Адрес: 305041, Россия, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 4. КГМУ.

E-mail: kurskmed@mail.ru

Телефон: (4712) 58-81-32.

Факс: (4712) 56-73-99, 58-81-37.

⁹ См., например: Тугушева М.П. Под знаком четырёх. О судьбе произведений Э. По, А. Конан Дойла, А. Кристи, Ж. Сименона. М.: 1991. 288 с.; Моисеев П.А. Поэтика детектива. М.: 2017. 240 с.